

По поводу крейцеровой сонаты. Николай Семенович Лесков leskovnikolai.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://leskovnikolai.ru/> Приятного чтения!

По поводу крейцеровой сонаты. Николай Семенович Лесков

Всякая девушка нравственно выше мужчины, потому что несравненно его чище. Девушка, выходя замуж, всегда выше своего мужа. Она выше его и девушкой, и становясь женщиной в нашем быту.
Л. Толстой.

I

Хоронили Федора Михайловича Достоевского. День был суровый и пасмурный. Я в этот день был нездоров и с большим над собою усилием проводил гроб до ворот Невского монастыря. В воротах произошла большая давка. В тесноте раздались стоны и крики. Драматург Аверкиев показался на возвышении над толпой и что-то кричал. Голос у него был громкий, но разобрать слов было невозможно. Одни говорили, что он учреждает порядок, и хвалили его за это, а другие на него сердились. Я остался в числе тех, которых не пропустили в ограду, и, не видя цели оставаться здесь долее, возвратился домой, выпил теплого чаю и уснул. От холода и разнородных впечатлений я чувствовал себя очень уставшим и спал так крепко и долго, что не встал к обеду. Обедать мне в этот день так и не пришлось есть, потому что к сумме разнородных впечатлений неожиданно прибавилось еще одно новое, весьма меня взволновавшее.

В густые сумерки меня разбудила моя девушка, сказав мне, что ко мне пришла какая-то незнакомая дама и не хочет уходить, а настойчиво просит, чтобы я ее принял. Дамские посещения к нашему брату, пожилому писателю, вещь довольно обыкновенная. Немало девиц и дам ходят к нам просить советов для их литературных опытов или ищут у нас какого-нибудь содействия в устройстве их дел с незнакомыми редакциями. Поэтому приход дамы и даже ее настойчивость меня несколько не удивили. Когда горе велико, а нужда неотступчива – не мудрено сделаться и настойчивым.

Я сказал девушке, чтобы она попросила даму в кабинет, и сам стал приводить себя в порядок. Когда я вошел в свой кабинет, на большом столе была зажжена моя рабочая лампа. Она сильно освещала стол, но комната оставалась в полумраке. Незнакомая дама, сделавшая мне на этот раз визит, была мне действительно незнакома.

Когда я отыскал ее глазами и хотел ее просить сесть в кресло, мне показалось, что она как будто избегает освещенных мест комнаты и старается держаться в тени. Это меня удивило. Особы, мало застенчивые, неопытные, иногда церемонятся и стесняются таким же образом, но удивительнее всего мне показалось ажитированное состояние этой дамы, которое мне как-то чувствовалось и сообщалось. Она была одета прекрасно, скромно, на ней было все дорогое и изящное: прекрасное плюшевое пальто, которое она не сняла в прихожей и в котором оставалась все время, пока говорила со мной; черная изящная шляпочка, очевидно парижской модели, а не русского производства, и черная вуалетка. сложенная вдвое и завязанная назад так, что я мог видеть только белый круглый подбородок и иногда сверкание глаз сквозь двойную сетку вуали. Вместо того чтобы назвать себя и сказать цель своего прихода, она начала с того, что сказала мне:

– Могу ли я рассчитывать на то, что вам нет никакого дела до моего имени?

Я отвечал ей, что она на это вполне может рассчитывать. Тогда она попросила меня сесть в кресло перед лампой, бесцеремонно подвинула зеленый тафтяной кружок на абажуре лампы так, что весь свет падал на меня и затемнял ее лицо, и сама села по другой бок стола и снова спросила:

– Вы одинокий?

Я отвечал ей, что она не ошибается: я – одинокий...

– Могу ли я говорить с вами совершенно откровенно? Я отвечал ей, что если она питает ко мне доверие, то я не вижу, что мешает говорить так, как ей угодно.

– Мы здесь одни?

По поводу крейцеровой сонаты. Николай Семенович Лесков Teskovniko1ai.ru

- Совершенно одни.

Дама встала и сделала два шага по направлению к другой комнате, где помещалась моя библиотека, и за нею – спальня. В библиотеке в это время горел матовый фонарь, при котором можно было видеть всю комнату, Я не тронулся с места, но сказал для успокоения дамы, что она видит, что у меня нет никого, кроме прислуги и маленькой сиротки, которая не может играть никакой роли в ее соображениях. Тогда она села снова на свое место, снова подвинула зеленый кружок и сказала:

- Вы меня извините, я в большом возбуждении... и мое поведение может показаться странным, но имейте ко мне сострадание!

Рука ее, которая протягивалась опять к тафтяному кружку на лампе, была обтянута в черную лайковую перчатку и сильно дрожала. Вместо ответа я предложил ей выпить воды. Она меня удержала и сказала:

- Это не нужно, я не так нервна, я пришла к вам потому, что эти похороны... эти цепи... этот человек, который производил на меня такое необыкновенно сильное, ломающее впечатление, это лицо и воспоминание обо всем, что мне приходилось два раза в жизни рассказывать, перепутало все мои мысли. Вы не должны удивляться тому, что я пришла к вам. Я расскажу вам, почему я это сделала, – это ничего, что мы с вами не знакомы: я вас читала много, и многое мне было так симпатично, так близко, что теперь я не могу отказать себе в потребности, чтоб говорить с вами. Может быть, то, что я задумала сделать, есть величайшая глупость. Я хочу прежде опросить вас об этом, и вы должны отвечать искренно. Что вы мне посоветуете, я и сделаю.

Ее контральтовый голос дрожал, и руки, которым она не находила места, трепетали.

II

Посещения и приступы в таком роде в течение моей литературной жизни бывали хоть не часто, но бывали.

Более свойственны они были людям с политическим темпераментом, которых успокаивать довольно трудно, а помогать вдвойне рискованно и неприятно, тем более что в этих случаях всегда почти не знаешь, с кем имеешь дело. На этот раз мне прежде всего пришло в голову, что эта дама также обуреваема политическими страстями, что у нее есть какой-нибудь замысел, который, по несчастью, пришло в голову мне доверить; вступление ее беседы имело много похожего на это, и потому я неохотно сказал ей:

- Не знаю, о чем вы будете говорить. Я ничего не смею обещать вам, но затем, если личные чувства ваши привели вас ко мне по доверию, которое внушает вам моя жизнь и репутация, то я ни в каком случае не нарушу того, что вы хотите мне передать, очевидно, как тайну.

- Да, – сказала она, – как тайну, как совершенную тайну, и я уверена, что вы ее сохраните. Мне нет нужды повторять вам, почему ее надо сохранить; я знаю, что вы чувствуете, я не могу так ошибаться: лицо ваше мне говорит лучше всяких слов, и при этом для меня нет выбора. Повторяю вам, я готова сделать поступок, который одну минуту представляется мне честным и сейчас же представляется мне грубостью: выбор должен быть сделан сейчас, сию минуту, и это зависит от вас.

Я не сомневался, что вслед за этим последует откровение политического характера, и неохотно сказал:

- Я вас слушаю.

Несмотря на двойную вуаль, я чувствовал на себе пристальный взгляд моей гостьи, которая глядела на меня в упор и твердо проговорила:

- Я неверная жена! Я изменяю моему мужу. К стыду моему должен сказать, что с сердца моего при этом открытии спала великая тяжесть; о политике, очевидно, не было и помину.

- Я изменяю прекрасному, доброму мужу; это продолжается шесть... больше!.. – я

По поводу крейцеровой сонаты. Николай Семенович Лесков leskovniko1ai.ru должна сказать правду,

иначе не стоит говорить: это продолжается восемь лет... и продолжается... или нет, это началось с третьего месяца брака; позорнее этого нет ничего на свете! я не стара, но у меня дети, вы понимаете?

Я качнул утвердительно головой.

- Вы понимаете, что это значит. Два раза в жизни, как к вам, я приходила к тому... кого мы хоронили и чья смерть меня всю переброила, призналась ему в своих чувствах; он был раз со мной груб, другой - нежен, как друг. Как это... не похоже на то состояние, в котором я к нему приходила, и, наконец, я хочу, чтобы вы мне дали тот совет, который мне нужен. Хуже всего в жизни обман, я это чувствую, мне кажется, лучше открыть свою гадость, перенести наказание и быть униженной, разбитой, выброшенной на мостовую, - я не знаю, что может со мной случиться... я чувствую непреодолимую потребность прийти и все рассказать моему мужу; я чувствую эту потребность шесть лет. Между началом моего преступления прошло два года, в которые я не видала... того; затем это началось снова и идет по-прежнему... шесть лет я собиралась сказать и не сказала, а теперь, когда я шла за гробом Достоевского, мне захотелось кончить это, кончить сегодня так, как вы мне посоветуете.

Я молчал, потому что ничего не понимал в этой истории и не мог дать решительно никакого совета; она это уловила на моем лице.

- Вы, конечно, должны знать более, я пришла не затем, чтобы играть в загадки, - а говорить, так говорить все. Дело в том, что я бесстыдно лгала бы, если бы стала себя оправдывать. Я не знала никогда никакой нужды, я родилась в достатке и живу в достатке. Природа не отказала мне в доле рассудка, мне дали хорошее образование, я была свободна делать свой супружеский выбор, следовательно, говорить не о чем; я вышла замуж за человека, который ничем не испортил своей репутации до этой минуты, напротив... Мое положение было прекрасно, когда этот человек... то есть я хочу вам сказать: мой муж, мой законный муж... сделал мне предложение. Мне казалось, что он мне нравится, я думала, что могу его любить, но во всяком случае не думала, что я могу ему изменить, тем более изменить самым подлым, самым гнусным образом и пользоваться репутацией честной женщины и хорошей матери, так как я не честная и, должно быть, гадкая мать, а измену принес мне сам дьявол, - если хотите, я верю в дьявола... В жизни очень много зависит от обстоятельств; говорят - в городах грязь, в деревнях чистота; в деревне именно и случилось, потому что я была одна с глазу на глаз с этим человеком, с этим проклятым человеком, которого привез и оставил на моем попечении сам муж мой. Я должна бы каяться, если не бесполезно раскаяние, я должна бы каяться бесконечно за этот поступок, которым обязана моему мужу, но дело в том, что я не помню этого момента, я помню только грозу, страшную грозу, которой я всегда боялась с детства. Я тогда его не любила, мне просто было страшно, и когда нас озаряла молния в огромной зале, я с испугу взяла его руку... и я снова не помню, потом это продолжалось... потом он ходил в кругосветное плавание, вернулся, и это опять началось: теперь я хочу, чтобы это кончилось, и на этот раз навсегда. Я этого хотела не один раз, но на это мне никогда не доставало волн, чтобы это выдержать. Решение, которое я принимала, совершенно улетучивалось через час при его появлении, и, что хуже всего, - я ничего не хочу скрывать, - не он, а я сама была причиной, я сама, понимаете, я сама высказывала, и достигала, и злилась, если достичь этого мне было трудно, - и если я буду продолжать так дальше, то обман, мое унижение никогда не кончатся...

- Что же вы хотите сделать? - спросил я.

- Я хочу все открыть моему мужу, и хочу непременно сделать это сегодня, вот как выйду от вас и приду домой...

Я спросил, каков ее муж и что представляет собою его характер.

- Мой муж, - отвечала дама, - пользуется лучшей репутацией, у него хорошее место и достаточно средств; все считают его честным и благородным человеком.

- Вы это мнение разделяете? - спросил я.

По поводу крейцеровой сонаты. Николай Семенович Лесков teskovniko1ai.ru – Не совсем, ему слишком много приписывают; он слишком даровит и порядочен, в нем мало того, что принято называть сердцем, как ни глупо это название, напоминающее так называемую душу музыки, но я другого не могу сказать; его сердечные движения все правильны, определены, точны и разнообразны.

– А тот, кого вы любите...

– Что вы хотите о нем сказать?

– Он вам внушает уважение?

– О! – воскликнула дама и махнула рукой.

– Я не совсем понимаю, что должен думать по этому движению?

– Вы должны думать, что это самый бессердечный и дрянной эгоист, который никому не внушает и даже не заботится внушать какое бы то ни было уважение.

– Вы его любите?

Она сдвинула плечами и сказала:

– Люблю. Это, знаете, странное слово, которое у каждого на губах, но очень немногие его понимают. Любить – все равно что быть предназначенной к поэзии, к праведности. На это чувство способны очень немногие. Крестьянки наши вместо слова любить употребляют слово жалеть; они не говорят: он меня любит; они говорят: он меня жалеет. Это, по-моему, гораздо лучше, и тут больше простого определения; слово любить – жалеть значит: любить в обыденном смысле. А то есть желать; говорят: мой желанный, мой милый, желанный... понимаете, желать...

Она остановилась, тяжело дыша; я ей подал стакан воды, который она приняла на этот раз из моих рук, не устранилась, и, кажется, была очень благодарна, что я не всматривался в нее,

Мы оба молчали; я не знал, что говорить, и у нее иссяк весь поток откровенности. Очевидно, она высказала все, что было крупного, и далее мелькали уже детали. Она точно угадала мою мысль и сказала тихим голосом:

– Так вот, если вы скажете мне, что я должна сказать это мужу, – я так и сделаю; но, может быть, вы можете сказать мне что-нибудь другое? Кроме того, что мне внушает симпатию и доверие к вам, в вас есть практицизм, я ваша внимательная читательница; мы, женщины, чувствуем то, чего не чувствуют присяжные критики. Вы можете, если хотите, сказать ваше искреннее слово: должна или нет я прийти и открыть мой позорный и долговременный грех моему мужу.

III

Несмотря на занимательность истории, я чувствовал тяжелое свое положение. Хотя такой ответ, какой требовала моя гостья, дать гораздо легче, чем успокоить политического деятеля или оказать ему требуемую им услугу, по тем не менее совесть моя чувствовала себя призванной к очень серьезному делу. Я достаточно жил и достаточно видел женщин, искусно скрывавших свои грехи в этом же роде или не скрывавших, но не сознававшихся в них. Я видел также двух-трех откровенных женщин и помнил, что они мне всегда казались не столько искренними, сколько жестокими и аффектированными. Мне всегда казалось, что всей этой откровенностью женщина могла бы повременить и, прежде чем объявить о своем преступлении тому, кого это может заставить сильно страдать, хорошенько пораздумать. Мне никогда не было дела до того, как относится к чьей бы то ни было внутренней жизни свет. Не свет, а лично человек – вот кто дорог мне, и если можно не вызывать страдание, зачем вызывать его; если женщина такой же совершенно человек, как мужчина, такой же равноправный член общества и ей доступны все те же самые ощущения, то человеческое чувство, которое доступно мужчине, как это дает понять Христос, как это говорили лучшие люди нашего века, как теперь говорит Лев Толстой и в чем я чувствую неопровержимую истину, – то почему мужчина, нарушивший завет целомудрия перед женщиной, которой он обязан верностью, молчит, молчит об этом, чувствуя свой проступок, иногда успевает заглянуть недостойнство своих увлечений, то почему же это самое не может сделать женщина? Я уверен, что она это может. Нет никакого сомнения, что число мужчин, изменяющих женщинам, превышает число

По поводу крейцеровой сонаты. Николай Семенович Лесков leskovniko1ai.ru женщин, и женщины это знают; нет ни одной или почти ни одной рассудительной женщины, которая после более или менее долгой разлуки с мужем питала бы уверенность, что во все время этой разлуки муж остался ей верен. Но тем не менее по возвращении его она ему прощает столь великодушно, что прощение ее выражается в том, что она его об этом даже не спрашивает, и откровенность эта была бы для нее не одолжением, а горем; это был бы поступок, который обнаружил то, чего она не хочет знать. В этом неведении она находит силу продолжать свои отношения, как будто они были прерваны нечаянно. Я сознаю, что в мои соображения входит гораздо больше практицизма, чем отвлеченной философии и возвышенной морали, но тем не менее я склонен так думать, как думаю.

В этом направлении я продолжал беседу с моею гостьей и спросил ее:

- Дурные свойства человека, которого вы любите, внушают к нему какое-нибудь неуважение?

- Очень сильное и очень постоянное.

- Но вы стараетесь иногда его оправдывать.

- К сожалению, это невозможно: для него нет никаких оправданий.

- Тогда я позволю себе спросить: что же, ваше негодование к нему, пребывает ли оно постоянно в одном положении или оно иногда ослабевает, иногда усиливается?

- Оно постоянно усиливается.

- Теперь я спрошу вас, - вы ведь позволяете мне спрашивать?

- Пожалуйста.

- В эту минуту, когда вы сидите у меня, где ваш супруг?

- Дома.

- Что он делает?

- Спит в своем кабинете.

- И затем, когда он встанет?

- Он встанет в восемь часов.

- И что он будет делать? Гостья улыбнулась.

- Он умоется, он наденет пиджак, пройдет к детям и будет играть полчаса на биксе, потом подадут самовар, из которого я налью ему стакан чаю.

- Вот, - сказал я, - стакан чаю, самовар и домашняя лампа - это прекрасные вещи, около которых мы группируемся.

- Прекрасно сказано.

- И это проходит более или менее - приятно?

- Да, для него, я думаю.

- Извините меня, в этом деле, которое вам угодно было раскрыть мне, он один имеет право, чтобы о нем подумать, - не дети, которые могут и должны даже этого никогда не знать, и уж, конечно, не вы... Да, не вы, потому что вы нанесли ему страдание, между тем он - лицо пострадавшее. Поэтому он - надо подумать, чтобы он не страдал, и представьте себе, вместо того чтобы он, по обыкновению отпив чай и, может быть, с уважением поцеловав вашу руку...

- Ну-с?

- И потом, когда он пойдет заняться делами... потом поужинает и спокойно пожелает вам доброй ночи, - вместо всего этого он услышит ваше открытие, из

По поводу крейцеровой сонаты. Николай Семенович Лесков leskovniko1ai.ru которого узнает, что вся его жизнь с первого месяца или даже с первого дня супружества поставлена в такую бессмысленную рамку. Скажите мне, добро или зло вы ему этим делаете?

- Не знаю; если бы я это знала, если бы я могла это решить, то я не была бы здесь и не разговаривала об этом. Я у вас спрашиваю совета, как мне поступить?

- Совета я вам дать не могу, но я могу сказать мнение, которое во мне складывается. Однако для того, чтобы оно имело в моих глазах определенную форму, я еще позволю себе предложить вам один вопрос... Чувства никогда не пребывают в человеке в одном и том же положении... Ваше нерасположение к тому ослабевает?..

- Нет, оно обостряется!

Она воскликнула это с болью в сердце и даже как будто привстала и хотела отстраниться от чего-то, что я видел в моем воображении. Несмотря на то, что мне не видно было ее лица, я чувствовал, что она ужасно страдает и страдание это дозрело до такой степени, что не могло оставаться дольше без развязки.

- Следовательно, - сказал я, - вы осуждаете его все строже и строже...

- Да, чаще и чаще...

- Прекрасно, - сказал я, - теперь я позволю себе сказать вам, что я считал бы благоразумным, чтобы вы, возвратившись домой, сели к вашему самовару так, как вы садились к нему прежде.

Она слушала молча; глаза ее были устремлены на меня, и я видел их сверкание сквозь вуалетку, слышал, как громко и учащенно билось ее сердце.

- Вы мне советуете продолжать мою скрытность?

- Не советую, но думаю, что так будет лучше для вас, для него и для ваших детей, которые во всяком случае ваши дети.

- Да почему лучше? Значит, тянуть бесконечно!

- Лучше потому, что при откровенности все было бы хуже, и бесконечность, о которой вы говорите, сказала бы еще печальнее того, о чем вы думаете.

- Моя душа очистилась бы страданием. Мне казалось, что я вижу ее душу: это была душа живая, порывистая, но не из тех душ, которых очищает страдание. Потому я ничего не ответил о ее душе и снова упомянул о детях.

Она заломила обе руки так, что пальцы ее хрустнули, и тихо поникла головой.

- И какой же будет конец этой моей эпопее?

- Хороший.

- На что вы надеетесь?

- На то, что человек, которого вы любите или, по вашим словам, не любите, а с которым вы свыклись... станет вам день ото дня ненавистнее.

- Ах! он мне и так ненавистен!

- Будет еще больше, и тогда...

- Я вас понимаю.

- Я очень счастлив.

- Вы хотите, чтобы я его бросила молча?

- Я думаю, что это был бы самый счастливый исход из вашего горя.

- Да, и потом...

По поводу крейцеровой сонаты. Николай Семенович Лесков Teskovniko1ai.ru

- И потом вы... возвратите...

- Возвратить ничего невозможно.

- Виноват, я хотел сказать, вы удвойте вашу заботливость о вашем муже и о вашей семье; это даст вам силу не забыть, а сохранить прошлое и найти достаточно поводов жить для других.

Она встала - неожиданно встала, еще глубже опустила свою вуалетку, протянула мне руку и сказала:

- Благодарю, я довольна тем, что послушала своего внутреннего чувства, которое сказало мне прийти к вам после того, как меня взволновало ужасное впечатление похорон; я оттуда вернулась как сумасшедшая, и как хорошо, что я не сделала всего того, что хотела сделать. Прощайте! - она подала мне опять руку и крепко пожала мою, как бы с тем, чтобы остановить меня на том месте, где мы находились. Затем она поклонилась и вышла.

IV

Повторяю, что лица этой женщины я не видел; по одному подбородку и под вуалью, как под маской, о ее лице судить было трудно, но по фигуре ее у меня составилось понятие о ее грации, несмотря на ее плюшевое пальто и шляпку. Говорю, это была фигура изящная, легкая, необыкновенно живая и необыкновенно сильно врезавшаяся в мою память.

До сих пор я этой дамы никогда нигде не встречал и по голосу ее думаю, что она не была мне знакома. Говорила она своим непритворным голосом, легким, грудным контральто, очень приятным; манеры ее были изящны, и можно было бы принять ее за женщину светского круга, и, еще вернее, высшего чиновничьего круга, за жену директора или вице-директора департамента или в этом роде; одним словом, эта дама была для меня незнакома и осталась незнакомой.

После похорон Достоевского и рассказанного мною события прошло три года. Я зимой заболел и весной отправился на воды за границу; до вокзала железной дороги меня сопровождал приятель и одна моя родственница; мы ехали в коляске; с нами были мои дорожные вещи. Проезжая по одной из улиц, прилегающих к Невскому проспекту, на одном из поворотов, у подъезда большого казенного дома, я увидел даму; мгновенно, несмотря на мою близорукость, я признал в ней мою незнакомку. Я вовсе не был приготовлен к этому, вовсе о ней не думал, и потому поразительное сходство меня сильно удивило; у меня мелькнула глупая мысль встать, подойти к ней, остановить, о чем-то спросить, но так как со мною были посторонние лица, то я, к счастью моему, этого не сделал, и воскликнул:

- Боже мой, это она! - и этим дал моим спутникам повод посмеяться.

На самом деле это была она; вот как это открылось. По обычаю всех русских или большинства русских, я выбрал кружной путь; прежде всего заехал в Париж и пил воды в июле и затем только в августе появился там, где мне следовало быть в июне; скоро я ознакомился с большинством других лечившихся русских и всех почти знал, так что прибытие всякого нового лица мне было заметно.

И вот однажды, когда я сидел на скамейке парка, по которому проходит дорога, ведущая к вокзалу, я увидел коляску, в которой помещались: мужчина в светлом пальто и шляпе и дама в вуали, а перед ними сидел мальчик лет девяти.

И опять со мной случилось то же самое, что было при выезде из Петербурга.

- Боже мой, это она!

Действительно, это была она.

На другой же день в ресторане парка за кофейным столиком я увидел ее благообразного, но испитого мужа и ее необыкновенно красивого ребенка. Мальчик был несколько цыганского типа, смуглый, с черными локонами и с большими совершенно голубыми глазами.

По поводу крейцеровой сонаты. Николай Семенович Лесков leskovniko1ai.ru я допустил себе маленькую наглость: подкупил гарсона, чтобы он устроил столик поближе к даме; я хотел рассмотреть ее лицо.

Она была хорошенькая, с довольно приятным, мягким, но мало значительным выражением; она меня, без сомнения, узнала, два или три раза она старалась повернуться на своем стуле так, чтобы мне неловко было рассмотреть, но потом встала, остановилась возле одной моей знакомой дамы, поговорила с нею, отошла в сторону и возвратилась к мужу.

Вечером за послеобеденным кофе на одном из сборных концертов моя знакомая дама, к которой подходила новая гостья, сказала мне, что она желает меня представить г-же Н., которая в эту минуту мимо нас проходила, и представление было сейчас же исполнено. Я сказал ей обыкновенную фразу, на которую она ответила также обыкновенными словами, но в этих словах, в этом голосе, в этой манере я узнал ее; это несомненно была она, и она была настоль умна, что поняла, что я ее узнал, решила не скрываться и сделаться знакомой; она могла рассчитывать на мою порядочность, на слова, которые она мне тогда говорила...

С тех пор мы стали видеться, и мы даже несколько раз делали экскурсии со знакомыми дамами и ее сыном. Муж ее как-то не любил поездок, у него болело колено, он прихрамывал, и притом, не могу разобрать, что с ним происходило: не то он тяготился женой, не то даже желал быть свободен, приволокнуться за одну или даже, может быть, не за одну из приехавших дам сомнительных репутаций. Но при всех наших встречах и разговорах она никогда не сказала и не намекнула, что у меня была или что мы когда-нибудь виделись раньше: только я прекрасно чувствовал, что она и я считаем за несомненное, что мы друг друга понимаем. И вдруг среди этого положения представился совершенно непредвиденный случай.

В одно прелестное время поутру она не явилась сопровождать мужа к источнику: он был к кофе один и сказал, что их Анатолий недомогает, что мать не помнит себя от горя.

В восемь часов вечера мой портье сообщил мне страшную новость, что в отеле таком-то умер ребенок от дифтерита; это, конечно, был сын моей незнакомки.

Я не принадлежу к числу людей слишком осторожных и потому тотчас же взял мою шляпу и отправился в этот отель; мне почему-то казалось, что муж ее слишком безучастно к этому относится; если этот дифтеритный ребенок есть ее сын, то, может быть, моя помощь или какое-нибудь участие на что-нибудь пригодится.

Когда я вошел в отель, где занимала она номер... никогда не забуду того, что я увидел. Там было всего две комнаты: в первой, где была гостиная мебель, обитая красным плюшем, стояла моя незнакомка, с распущенными волосами, с остолбеневшими глазами; она держала обе руки с растопыренными пальцами, защищая собою диванчик, на котором лежало что-то, покрытое белой простыней; из-под этой простыни была видна одна небольшая синяя нога; это был он – мертвец Анатолий. У двери стояли два незнакомых мне человека в серых пальто, перед ними был ящик, не гроб, а ящик, вроде большого свечного ящика, в аршина два глубиной, до половины налитый чем-то белым, что мне показалось сначала молоком или крахмалом; спереди их стоял полицейский комиссар и бюргер с каким-то значком; они говорили громко; мужа дамы не было дома, она была одна, она только спорила, защищалась и, увидев меня, воскликнула:

– Боже мой! защитите, помогите! Они хотят взять ребенка, они не дают похоронить его; он умер сию минуту.

Я хотел заступиться, но это было совершенно бесполезно, даже если бы у нас была сила одолеть четырех человек, которые без всякой церемонии и довольно грубо бросили ее в другую комнату и закрыли дверь, в которую она напрасно с страшным стоном стучала кулаками. В это время взяли ребенка, который был таким цветущим, опустили его в раствор извести, тотчас схватили ящик и быстро удалились.

У

В небольших купальных местах и городках страшно – не любят смертных случаев. Содержатели отелей и меблированных квартир всемерно избегают таких жильцов, здоровье которых заставляет опасаться скорой смерти.

По поводу крейцеровой сонаты. Николай Семенович Лесков leskovniko1ai.ru Ни в одном из этих городов не допускают погребальных процессий, и если случится покойник, то его скрывают от всех посторонних, вывозят по железной дороге решительно без всякого погребального обряда.

Заразные болезни с смертельным исходом случаются очень редко, и в той местности, где умер сын моей знакомой, это был первый случай, и весть об этом распространилась между публикой с невероятной быстротой и произвела страшный испуг, особенно между дамами. Местные врачи, составляющие в таких городках самое важное правящее сословие, старались успокоить возбужденные умы и, превосходя в этом усердии друг друга, перессорились и разделились на два лагеря: одни, к числу которых принадлежали и пользовавшие ребенка два консультанта, не отрицали, что причиной смерти ребенка был настоящий дифтерит, но что против заразы приняты были ими все меры, что входили к нему в особом платье и что, выходя, себя тщательно дезинфицировали; двое даже из них обрились, чтобы доказать, как они серьезно относятся к делу. Другие же, в несравненно большем числе, говорили, что случай был довольно сомнительный, даже с достаточными противупоказаниями, и обвиняли своих коллег в неосторожном преувеличении болезни мальчика, от чего произошел большой и напрасный переполох, нарушивший спокойствие больных и угрожающий более всего экономическим интересам местных обывателей. Эта же вторая медицинская фракция неодобрительно отзывалась о представителях городской власти, которые чрезвычайно грубо и резко обошлись с госпожою Н., у которой они вырвали ребенка с разбойническим насилием чуть-чуть не в минуту смерти и утопили в известке, может быть ранее, чем у него угасли последние искры жизни. Указанием на эту грубость доктора хотели отвлечь внимание публики от себя и направить его на других лиц, поведение которых, в самом деле, представляло большую резкость; но это не удалось. Эгоизм человеческий в минуту опасности становится особенно отвратительным, и в публике совсем не находилось людей, которые обнаружили бы достаточно внимания к положению несчастной матери. Уж если дифтерит, так церемониться нечего, и чем власти поступили решительнее и тверже, тем лучше. Нельзя же, в самом деле, подвергать других опасности! Интересовались только тем: куда был выслан ящик с опасным покойником? И сведения на этот счет получились довольно успокоительные. Ящик был отведен в черное болото, из которого прежде добывали лечебную грязь для ванн. Теперь в это болото ящик был спущен и в одной из его глубоких колдобин затоплен, завален камнями и снова еще раз залит известкой. Решительнее и аккуратнее распорядиться заразным трупом, казалось, было невозможно; но затем началась расправа с отелем, из которого почти все население разбежалось и остались только бедняки, которые были не в состоянии позволить себе такую роскошь, чтобы бросить оплаченную вперед за месяц квартиру. Надо было дезинфицировать весь отель или по крайней мере те апартаменты, которые занимало семейство Н., и прилежащее к ним по бокам помещение; надо было тоже дезинфицировать коридор, по которому бегал мальчик, и угол столовой, в которой семейство Н. вместе кушало. Все это представляло очень значительный денежный счет, если не ошибаюсь, свыше трехсот гульденов, так как мягкую мебель трех апартаментов признано необходимым ожечь всю дотла, в остальных же помещениях переменить гардины, ковры и портьеры и заменить их новыми. По этому поводу г-ну Н. были предъявлены со стороны содержателя отеля денежные требования, а представители города поддерживали права содержателя отеля, который, несмотря на требуемое вознаграждение, все-таки останется в убытке от случившегося происшествия, так как в отеле его множество помещений будут пустовать весь сезон и на будущее время хозяин рискует потерять клиентуру у большого числа посетителей, до которых дойдет известие, что здесь был дифтеритный случай.

Этого рода претензии были новы для посетителей, и всех занимало, как это дело кончится. Одни находили, что это требование придиричиво, другие же находили его правильным, хотя чрезмерным; об этом повсеместно говорили, и г-н Н. стал интересным человеком. Но удивительно, что его не боялись. К нему подходили, так как известно было, что он, как больной человек, вышел из своего номера тотчас же, как обнаружилась болезнь, и не возвращался туда до смерти сына. О жене его не спрашивали, и ее не было видно в течение нескольких дней. Думали, что она куда-то уехала или же нездорова. Сам же г-н Н. представлял большой интерес для людей, интересовавшихся иностранными порядками. Г-н Н. всякий день рассказывал, какие к нему предъявляют требования я что он на эти требования отвечает. Он не отрицал, что хозяин отеля потерпел убытки и что смерть ребенка действительно в этом случае была причиной этих убытков, но отрицал право произвольного наложения на него платежа и не хотел ничего заплатить без суда.

- Положим, - говорил он, - я и должен заплатить, но мне это должно быть доказано не каким-нибудь комиссаром и тремя мещанами, а доказано формальным судом,

По поводу крейцеровой сонаты. Николай Семенович Лесков leskovniko1ai.ru которому я могу подчиняться. И кроме того, что значит такой приговор: заплатить. Хорошо, если я имею чем заплатить. Пусть берут мой чемодан, и ничего больше. Вот ежели бы на моем месте был бедняк, я полагаю, с ним нечего было бы и толковать.

И все были заняты мозаикой этого вопроса, и около господина Н. постоянно собирались кружки, которые рассуждали о его правах и окружающих неприятностях. Дело, однако, скоро уладилось как-то мирно: город не захотел доводить дело до настоящего суда, так как при этом разговор о дифтеритном случае сделался бы еще более известным, а порешили покончить дело мировой сделкой, по которой г-н Н. должен был заплатить тот счет, который представят дезинфекционные подрядчики. Тем бы дело и кончилось, но тогда вдруг произошло новое событие: г-жа Н., проведя восемь дней в большом номере отеля, каждый день ходила к болоту, в которое бросили ящик с телом ее ребенка, и на девятый день из этого путешествия не возвратилась. Ее напрасно искали: никто не видел ее ни в лесу, ни в парке; она не заходила ни к кому из своих знакомых, не пила чаю ни в одном ресторане, а просто исчезла, и с нею исчезли чугунные гири, которыми муж ее делал комнатную гимнастику. Ее напрасно искали три или четыре дня, и потом стали высказывать подозрение, что она, вероятно, утопилась в том же болоте – что потом, говорят, и было доказано, но труп ее, поднявшийся будто к поверхности, был снова засосан болотом. Так она и погибла.

Это было происшествие очень замечательное по своему трагизму, по той тишине, с какой все это произошло; исчезнувшая Н. не оставила ни записки, никакого признака своего решения покончить с собою. Г-н Н. возбуждал к себе сочувствие многих; сам он держался очень скромно в холодном и гордом молчании; он говорил: "все же лучше мне надо уехать"; но не уезжал потому, что собственное здоровье его было очень слабо и требовало того, чтобы лечебный срок на этих водах был выдержан.

Мое знакомство с ним плохо ладилось: мы, очевидно, были люди несродного характера. Несмотря на то, что я знал семейную тайну, которая должна бы заставить меня относиться к нему с сожалением, он мне казался далеко противнее своей жены, нанесшей ему супружеское оскорбление. Желать сближения с ним я не имел причины, но, по непонятному для меня побуждению, вдруг он удостоил меня внимания и в разговорах, которые между нами завязывались, очень часто и очень охотно касался памяти своей покойной жены.

ПРИМЕЧАНИЯ

Печатается по тексту журнала "нива", 1899, э 30, стр. 557–564, где рассказ был напечатан под названием "Рассказы кстати" ("По поводу "Крейцеровой сонаты"). Посмертный очерк Н. С. Лескова".

Написано в 1890 году (см. А. Лесков. Жизнь Николая Лескова, стр. 489). По свидетельству А. Лескова, рассказ имел другое название – "Дама с похорон Достоевского", видимо отброшенное автором (там же, стр. 371).

Рассказ Лескова, как свидетельствует его название, связан с повестью Л. Толстого "Крейцера соната", над которой автор работал в 1887–1889 годах. После неоднократных цензурных запретов "Крейцера соната" была напечатана в 1891 году. Но еще до окончательной обработки повесть разошлась во множестве литографированных и гектографированных списков. На эти списки довольно широко отозвалась периодическая пресса, как русская, так и заграничная. Появилось также несколько беллетристических произведений, большинство которых полемизировало с основной идеей повести Л. Толстого. Наиболее значительным среди них был рассказ Лескова "По поводу "Крейцеровой сонаты". Лесков познакомился с произведением Л. Толстого по литографическому списку предпоследней редакции.

Эпиграф к рассказу Лескова является слегка перефразированной цитатой из этой редакции. В главе XVII Позднышев говорил, что его жена, выходя замуж, была несравненно выше его, как всегда всякая девушка несравненно выше мужчины, потому что несравненно чище его, и что, наконец, "девушка, становясь женщиной, продолжает быть выше мужчины в нашем быту" (Комментарии Н. К. Гудзия к 27-му тому Собрания сочинений Л. Толстого, юбилейное издание, стр. 586).

Эти слова Позднышева отсутствуют в последней редакции "Крейцеровой сонаты", отсутствует в ней и сочувственная оценка женщины в сравнении с мужчиной, "между тем, – как справедливо пишет Н. К. Гудзий, – то и другое определило собой весь

По поводу крейцеровой сонаты. Николай Семенович Лесков leskovnikolai.ru
тон лесковского рассказа" (там же, стр. 289).

Хоронили Федора Михайловича Достоевского. – Похороны Ф. М. Достоевского
состоялись 31 января 1881 года на кладбище Александро-Невской лавры в
Петербурге.

Аверкиев, Д. В. (1836–1905) – русский писатель, драматург; наиболее известна его
драма "Каширская старина".

...чья смерть меня всю переброила... – от бритья (обл.) – трогать, шевелить.
Бикс – маленький наклонный бильярд, доска которого утыкана рядами шпилек, между
которыми гонится шарик; в XIX веке был особенно распространен в Китае.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://leskovnikolai.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,
недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!